

Земля имеет
форму чемодана

Из собрания сочинений

Альтист Данилов

Аптекарь

Шеврикука, или Любовь к привидению

Камергерский переулок

Солёный арбуз

После дождичка в четверг

Происшествие в Никольском

Бубновый валет

Лягушки

Земля имеет форму чемодана

Владимир Орлов
Из собрания сочинений

ЗЕМЛЯ ИМЕЕТ ФОРМУ ЧЕМОДАНА

ФТМ

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
О-66

Орлов, В.

О-66 Земля имеет форму чемодана / В. Орлов. – М. :
T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 660 с.

ISBN 978-5-521-74651-4

Причудливый и остроумный, фантазмагорический и совершенно нереальный, овеваемый мистическим холодком потустороннего, новый роман классика современной литературы Владимира Орлова заставляет увидеть окружающую нас привычную обыденность иными глазами. «Земля имеет форму чемодана» – своего рода приглашение в яркий феерический мир, полный необычных загадок и неожиданных решений. Книга по праву пополнит коллекцию почитателей таланта знаменитого писателя!

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
BIC FA
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-74651-4

© T8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2018
© Текст. В. Орлов, наследники, 2018

1

Евгений Куропёлкин служил в Москве стриптизёром, звался Эженом, жил сытно, с уважением к самому себе, стряхивал с белёсых усов крошки осетрины и капли крепких коктейлей, но хозяин ночного клуба «Прапорщики в грибных местах» Верчунов был им недоволен и грозил уволить. Правда, слов «под зад коленом» он пока не произносил, и это Куропёлкина отчасти обнадеживало. Однако при всей своей беспечности и сквозняках в извилинах Куропёлкин вынужден был соображать. А куда ему в случае «Под зад коленом!» пришлось бы деваться? Происходил он со станции Волокушка Архангельской губернии. Наверное, что-то волокли куда-то, пока всё не уволокли. Делать балбесу в поселении со льнозаводом и пекарней было нечего, и он шестнадцати лет попёрся в Котлас, промцентр, да ещё и с двумя городишками рядом — Коряжмой (там — лесопильни) и Сольвычегодском (Строгановская старина, будто бы и Грозный царь заезжал, музей, культура, две дивные церкви, в виду них при тихих всплесках Вычегды в сухие дни Куропёлкин любил полёживать в играх воображений...). А в Котласе (до флотских макарон и клёшей, сначала в корабельном городе Большой Камень — Тихий океан, а потом и в других бухтах) сладости жизни баловали Куропёлкина футбольным полем, пусть и вытоптанном, и влажными губами возбуждённых свежей травой юных необходимостей с их требовательными задами (хорошо, хоть ни одна не залетела, аккуратные выросли, впрочем, если бы хоть одна залетела, всё бы проще было...). Но особую отраду давали Куро-

пёлкину занятия в гимнастическом кружке. В ту пору Куропёлкин обучался на пожарника, а при их училище имелся крытый спортивный зал. Гимнастические снаряды были, правда, стары, на них нередко калечились, но Куропёлкину и без брусьев, колец и коня была мила чистая акробатика, не хватало, пожалуй, батутной сетки. Вот бы уж он натешился, напрыгался, накувыркался и полетал бы! Но его отвезли на флот. Все флотские — здоровяки. К этому обязывают брюки клёш и макароны. А Куропёлкин усердствовал и на гимнастических занятиях, добрался до кандидата в мастера по акробатике. И ему во флотские праздники поручали место

«Нижнего» в Пирамидах (молодые о них слыхом не слышали), он поддерживал — идиотом — легковесных, тех, кто стоял наверху и размахивал сигнальными флажками. И что примечательно, имел возможность посещать библиотеки и продолжать культурно-просветительское плавание. Но вот после дембеля в компаниях пожарных Куропёлкин заскучал. Одно тут понятно: быстрая смена стихий. Вода и Огонь. Хотя, по правде, смена эта и не вышла стремительно-быстрой. Куропёлкин позволил себе после дембеля неспешные хождения по земле с намерением испытать себя и увидеть дальние суги России. А вернувшись в пожарные, он не только заскучал, но и захандрил.

2

Хандрил он и перебравшись из Котласа в Москву, с целью обретения здесь светлого, пусть и с пробками, житейского пути. Готов был водить по дорогам, украшенным неуравновешенными блондинками при штурвалах, хотя бы

«Ниссан». При этом с дураками трудностей не вышло бы, дураки, они создают правила и приёмы движения, и в их автопробегах по Москве передвигаться одно удовольствие. Но ни у блондинок, ни у крашенных Куропёлкин не вызвал порыва подарить ему не то чтобы «Ниссан», но и потрёпанный мопед. Участвовать в тушении торфяников, взбудораженных энергией инженера Классона в разгар революционных фантазий, ему надоело. Прежде всего надоели исполнители высочайших распоряжений, появлявшиеся со своими дилетантскими глупостями на день, на два (а потом ходившие героями Оборона Москвы от пожаров, почти что наполеоновских). И Куропёлкин ушёл в грузчики. Мешки с цементом, шпалы, пропитанные гнусным креозотом, недолго натруждали мышцы крепыша Куропёлкина, потому как произошёл Счастливый случай. То есть показалось вдруг, что он Счастливый.

3

Случай этот произошёл в банях, то ли Рижских, то ли Ржевских. Бани эти, именно то ли — (дипломатикполитес) Рижские (вокзал рядом), то ли Ржевские (вокзал прежде назывался Ржевским и служил Ржевско-Виндавской железной дороге), были мне, жителю одного из соседних коммунальных домов без горячей воды и гигиенических удобств, утешительно знакомы тридцать два года. На первом этаже со вторыми десятикопеечными разрядами они были грязны и вонючи, в войну и после неё служили санпропускником, и пацанам, залезавшим на сугробы в надежде увидеть женщин с их тайнами, попадались на глаза лишь тощие солдатские зады. На втором же эта-

же — Первый разряд, чистые простыни, пиво в разлив из рук татар-пространщиков, суший Баден-Баден! — имела довольно неплохая парная. Пропарившись, Куропёлкин опустился в глубины второго разряда и встал под холодный душ, промыл глаза и заметил, что возле его кабинки вертится некий любопытствующий гусь. Интерес к Куропёлкину (или к особенностям его тела) он не скрывал.

— Что тебе надо? — грубо сказал Куропёлкин.

— Мужик, — быстро заговорил любопытствующий. — Не подумай про меня дурного. Я агент по трудоустройству. Ты кем сейчас деньги добываешь?

— Грузчиком.

— И сколько в месяц?

— Хватает! — рассердился Куропёлкин.

— Ты не злись! — разудыбался агент. — Тысяч тридцать. Не больше. А я тебя могу определить на место за сто тысяч.

— Это куда же? — высокомерно спросил Куропёлкин.

— Сейчас же, после бани, могу и отвести. Такой, как ты, срочно надобен.

4

И повёл Куропёлкина к Борису Антоновичу Верчунову, хозяину культурного центра, бывшего также ночным клубом с серьёзно-таинственным названием «Прапорщики в грибных местах» вольно-гимнастического направления. С танцами, кручениями вокруг шеста и со страстно-призывными освобождениями от одежд.

5

Нельзя сказать, что артистическое развитие Куропёлкина проходило успешно. Хотя находились и у него поклонницы, и обещанные агентом деньги он получал. Правда, пока не все. Но кому неизвестны нравы духовно-ценностных серпентариев? Хотя бы из программ «Ты не поверишь!». Тем более разбавленных присутствием бывших и ныне избалованно-удачливых прапорщиков. Да и отслужившие балетные и цирковые, мазавшие руки магнезией, были хороши! Собственно, против новичка Куропёлкина Эжена они ничего не имели, но поспешили утвердить (или возвысить) свою (и так будто бы очевидную) незаурядность и уж точно успокоить себя, определив сущность Куропёлкина «Дубина дубиной». Да и держался Куропёлкин особняком. Старался не входить в спорные состояния с ветеранами клуба. На их ехидства, а порой и злые шутки, имея в виду тончайших свойств натуры прапорщиков и бывших звёзд кордебалета, грубостями не отвечал, а лишь стеснительно-добродушно улыбался. И уж совершенно укрепил мнение коллег об ущербности личности Куропёлкина случай с успешным исполнителем чувствительных номеров (стало быть, и богатеем) Звягельским. Звягельский одолевал кроссворд. Уже вывел в клеточках «кисель», «голавль», «перекос», «скатка» и прочее, но его остановил вопрос: «Французский мыслитель эпохи Просвещения». Не только остановил, но и измучил. Довел до аллергического зуда кожи всего его прекрасного тела. И, похоже, вот-вот должен был произойти у него заворот кишок. — Девять букв, в середине буква «ш»! — моля о соломинке, восклицал Звягельский. Испуганное молчание было ему ответом. Проходивший мимо Куропёлкин взглянул в крос-

сворд и произнёс небрежно: — Ларошфуко. Ларошфуко, бесспорно, удовлетворил составителей кроссворда, но имя, брошенное Куропёлкиным небрежно (а по сути — протест и вызов), для артистической составляющей клуба окончательно сделало его фигурой крезанутой и чуждой. Куропёлкина пытались даже подковыривать этим Ларошфуко, но прозвище не прилипло. То ли его не могли запомнить, то ли оно вызывало несомненный мистический страх.

6

Странно, но Эжен Куропёлкин не имел коммерческого успеха у милых клубно-ночных дам. То есть на него глядели. И всё. Странно, потому как фактурой своей Куропёлкин никому из артистов (танцоров, крутанов на шесте и др.) клуба не уступал. Ну, только если двум южанам и одному японцу, превосходство их и сам Куропёлкин признавал и завидовал им творческой белой завистью. Эти трое были в шерсти на груди и там, где зрительницам нравилось. Они словно были зашиты в шкуры хищных самцов и разумно позволяли дамам, в их с границами нравственности заведении, почёсывать им свои заросли. За это шерстяные вознаграждались бумажками иных валют (носили для них финансовые пояса на бёдрах), а иногда их приглашали и в гости. И по справедливости, а Куропёлкин и не роптал. Шерстяные и поручик Звягельский (такое присвоил Куропёлкин звание Звягельскому, хотя Звягельский ни в каких армиях не служил, а некогда блистал переплясами в хоре имени Пятницкого) были лицом клуба, истинными мачо. У самого же Куропёлкина на